

Валентин Аноцкий

ГИППОКРАТОВО ЛИЦО

Рассказы

16+

Валентин Аноцкий

**Гиппократово лицо.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Аноцкий В. Р.

Гиппократово лицо. Сборник рассказов / В. Р. Аноцкий —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Море, таможня, время, творчество - вот главные герои автора: генерал-майора таможенной службы Аноцкого В.Р. Люди, заполняющие это пространство: сильные, слабые, смешные, но очень живые и понятные, потому что автор встречался с ними в жизни, потому что встретить их может каждый, стоит только приглядеться и задуматься.

Содержание

Гиппократово лицо	5
Чёрные дыры	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гиппократово лицо

Новость, пришедшая в кабинет начальника одной из московских таможен, расположенной в закрытом аэропорту, была нехорошей – с душком нечистых денег и трупным запахом. Событие вначале развивалось как рядовое, даже банальное: в багаже одного из пассажиров авиарейса из Афганистана была обнаружена незадекларированная иностранная валюта в крупных размерах. Инспектор, действуя согласно инструкции, ценности изъял, составил протокол и доложил начальству о происшествии, попросив при этом разрешения на личный досмотр. Нарушитель – средних лет армейский подполковник, услышав, что будет подвергнут унижительной процедуре досмотра с раздеванием, попросился в туалет. На радостях, в предчувствии солидной незапланированной премии и похвалы от начальства, инспектор великодушно не отказал ему в его просьбе, контролируя при этом входную дверь туалета и никого в неё не пропуская. В остальном он был спокоен – окон в туалете не было, вентиляционных люков тоже, да и куда было бежать? ЧП не предполагалось, остальные пассажиры, с интересом, а некоторые с явным недоброжелательством, поглядывая на бдительного инспектора, поспешно проходили мимо – работа по оформлению подходила к концу, и всех впереди ждали нескончаемые дела и встречи. Сама опостылевшая всем война подходила к концу, и каждый непосредственный или косвенный её участник, спешил закончить свои проблемы, с учетом того утешительного обстоятельства, что скорее всего он лично выйдет из этой истории живым. Таможенники, понимая это, бдительность только усилили, пожиная последний урожай с советско-афганского поля – оружие, грязные деньги, наркотики.

Но ЧП все же случилось. Через некоторое время, обеспокоенный долгим отсутствием нарушителя, инспектор вошёл в помещение и обнаружил на полу бездыханное тело подполковника, рядом с которым валялся крохотный пузырек. Поскольку, все происходило в среде военных, то никакого излишнего ажиотажа вокруг этого события не было. Инспектор сообщил дежурному милиционеру, тот кинулся к телефону, и всё закружилось в невидимом вихре вокруг этого события: в телефонных проводах, в срочных докладах, в закрытых линиях ВЧ связи. Получив донесение, Стариков рванул из кабинета, но даже при свойственной ему ретивости, он опоздал: место происшествия было окружено милицией и людьми в штатском, среди которых Стариков узнал Бузлова – куратора аэропорта от госбезопасности. В стороне, с окаменевшим от потрясения лицом, стоял Держиков – тот самый удачливый инспектор. Через открытую дверь, было видно, что в зале ещё продолжается досмотр оставшейся небольшой группы пассажиров. Появились санитары, их немедленно пропустили, и вскоре из помещения вынесли прикрытое серой простыней тело. Рядом со Стариковым появился Бузлов, пожал руку, и негромко сказал:

– Сейчас не могу, зайду к тебе в конце дня.

Стариков поискал глазами инспектора Держикова и кивнул ему головой. Тот унылой отяжелевшей походкой послушно направился за начальником. Они молча дошли до кабинета, и только расположившись на стульях, встретились глазами. Испуганная тень неопределенности: виноват – не виноват, а если виноват, то насколько, – металась в голубых глазах инспектора. Даже форменный костюм изломался на узких плечах, настолько инспектор ужался в размерах, теряясь в своих предположениях.

– Кроме того, что ты мне рассказал по телефону, есть добавить что-нибудь новое? – спросил Стариков, решив пока не успокаивать подчиненного – в таком растерянном состоянии он расскажет больше и честнее.

– Нет, только не рассказывай о своих впечатлениях, когда я застал... Обнаружил...

– Об этих впечатлениях расскажешь своим друзьям за рюмкой водки, а меня интересует другое: почему именно этого офицера решил копнуть? По каким признакам?

Инспектор сжался ещё больше, будто ожидая удара по спине, и густо наморщил детский ещё лоб – ему трудно было сосредоточиться.

– Наугад, – растерянно сказал он. – Просто повезло.

– Повезло, – согласился Стариков, – хотя это и не очень профессионально. А после того, как повезло, ничем его не оскорблял? Не говорил: ну, кранты тебе, подполковник, или что-нибудь в этом роде?

– Нет, нет, он же старше меня, как я мог... Я сказал, что предметы контрабанды подлежат конфискации, а решение будет выносить начальник таможенного органа. Согласно инструкции номер, номер...

– Ладно, ты не на экзаменах. В общем, ты молодец. Иди и напиши всё подробно. Подробно, понимаешь, в деталях. Хотя, если наугад, то какие могут быть подробности. Свободен.

Доложив начальству о событии, Стариков прошёлся по кабинету, дойдя до шкафа с зеркальной створкой, взглянул на свое отражение. Отражение соответствовало его рангу: высок, плечист, глаза смотрят твердо, переломать их прямую, летящую к собеседнику, трудно. Хотел достать из потайного барчика коньяк, но вспомнив, что придет Бузлов, и на двоих может не хватить, передумал.

Не будучи по природе жестоким, Стариков посочувствовал незнакомому человеку и его семье. Семье больше – свою судьбу незнакомец выбрал сам, но этим поступком навсегда определил дальнейшую судьбу своих родных – как им теперь жить? Не растворимый временем шлейф будет преследовать не только их жизнь, но и жизнь ещё не родившихся потомков. Похоже, подполковник оказался человеком чести. Применительно к ситуации, конечно. Не мог признать валюту своей – тогда пришлось бы доказывать её происхождение, и не мог выдать истинного владельца. В этой непосильной раздвоенности, офицер и нашёл единственно верный для себя выход, закончив в туалете аэропорта военную карьеру и саму жизнь. И как всегда, когда в наблюдаемых им случаях, люди добровольно лишались нажитого, невещественного, богатства, Старикова охватывало чувство непостижимости происходящего: из-за чего? Из-за денег, золота, шмуток? Как такое возможно? Но как только он доходил до этого сакрального вопроса, то сразу останавливался на этом, вспоминая слова мамы: не спрашивай Бога – как? А то он тебе даст понять это...

Шум вежливо входящего носорога в приёмной свидетельствовал о том, что вскоре у него появится Бузлов. Так оно и было. Упав на стул, тот выдохнул из себя литров сто воздуха, выпучивая и без того немалые по размеру чёрные глаза, но при этом машинально-профессионально окидывая взглядом кабинет в поисках изменений или появления чего-нибудь новенького.

– В общем, офицер этот – «чижик», то есть, штабной работник. Репутация безупречная, послужной список – идеальный. По всему, вёз не для себя, видимо, в этом и состояла его трагедия – если бы для себя, сдался бы, и дело с концом. Ну, сам понимаешь, большего пока никто ничего не скажет – дело взял на себя следственный комитет КГБ.

– Думаю, что не скажет и потом, – усмехнулся Стариков, – дело это не для посторонних ушей. Давай-ка лучше...

Они выпили раз, другой, и круглые глаза Бузлова постепенно начали менять конфигурацию – превращаться в овал, и Стариков точно знал, когда они превратятся в щелочки – в спорах и беседах с этим боевым когда-то офицером было выпито немало.

– Ну и правильно, – сказал Бузлов, и словно дополнительный предмет интерьера, поставил на стол свой увесистый кулак. – Зачем марать армию отдельными случаями? Кому это выгодно? Только врагам нашим. Вот у тебя на стекле, смотри, если присмотреться, есть пятна и пятнышки, но оно же всё равно чистое? Так и в жизни – нельзя по пятну на платье судить о цвете всего платья. Ты же знаешь, что там творится, – он безвольно разжал кулак, и тот мертвой толстой лягушкой распластался на столе.

– Знаю, Георгич, знаю.

Быстрый и охочий до споров Бузлов, тут же отреагировал.

– А если знаешь, что же ты всех подряд офицеров не выворачиваешь наизнанку? Боишься, что у каждого найдёшь?

– Да, боюсь. Поэтому предпочитаю найти у одного, чтобы другие вовремя одумались.

Они замолчали. Один, переместившись в свое боевое прошлое, искал подтверждения сказанному именно там, другой, оставшись здесь, размышлял о правильности выбранной им линии поведения. Никто Старикову не навязывал эту линию, и он никогда напрямую не приказывал подчиненным поступать именно так, – да его бы и не поняли, – просто в разговорах, как бы отвлечённых, за жизнь вообще, отношение его можно было угадать. И в большинстве своем, люди угадывали. Кто не угадывал, Стариков того не поправлял, считая вариант неисправимым.

– Скоро выведут оттуда всех, – меланхолично сообщил Бузлов, – то-то поплачет Россия.

– Почему поплачет?

– А потому! Где результат? За что погибли? Это тебе не весна сорок пятого – тогда слёзы были понятны любому пацану, не дождавшегося отца. А тут? Даже могил, памятников – ничего нет. Одни фотографии.

Стариков взгляделся в настольный календарь, и вдруг решительно заявил:

– Всё, сегодня больше не пью.

– Ты что? – переполошился Бузлов. – В такой день! Или у тебя буфет оскудел? Так я сейчас...

– Нет, дружище, завтра в Главную контору приезжает делегация иностранных коллег, не светиться же мне с красной рожей.

– У тебя красная рожа от избытка здоровья, а не от коньяка. Ну, впрочем, как знаешь. А я поеду к своим родным коллегам, посудачим.

На следующий день Стариков появился в Главке, и сразу стал героем дня: ему потряхивали руку, похлопывали по плечу, допытываясь: «Ну, чем ты доводишь людей до самоубийства? Делись секретом».

Стариков криво усмехался, отмалчивался, понимая веселье своих коллег, но не разделяя его. У каждого из них в разное время происходили события, за которые им было либо весело, либо горько, либо очень стыдно, но разделенные со своими, события эти переживались легче и быстрее забывались. Сегодня, Стариков лишь однажды почувствовал себя задетым, когда один из сотрудников аппарата хихикнул: «Он рассказывает им правду об их жёнах, в то время как они воюют...» Стариков направил свою нестигаемую прямую: от своих базальтовых глаз до глаз, в данном случае, противника, и кратко сказал:

– А вот это ты зря...

Его поняли и больше не донимали. Тем более что всех пригласили в зал.

В небольшом актовом зале, в президиуме уже расположилось руководство, и несколько новых лиц – гостей. Из них два азиата. Они резко выделялись среди окружения, и вносили некий колорит, как бы подтверждая, что встреча действительно международная. Все выступления, однако, включая и выступления гостей, были стандартны, причёсаны, приглажены, и соответствовали моменту: борьба с этим, борьба с тем, но при этом: содействие тому, содействие сему. Стариков слушал вполуха, несколько отрешённо, словно приглашённый представитель другого ведомства, которого лишь поручение начальства удерживало на месте. Его всегда удивляло, как на основе таких обменов, можно выработать что-то новое? Так, посудачить, как говорит Бузлов, со своими коллегами. Начальство умело руководило выступлениями, вовремя поправляя вдруг загорячившегося подчиненного, подрезая выступление там, где, по их мнению, выпячивались искренность и слишком личное отношение к проблемам.

В перерыве гостей окружили наиболее любопытствующие или те, у кого оказались конкретные вопросы. Особенно привлекали внимание азиаты – об их хладнокровии и непроницаемости ходили легенды, да и в этих краях они появлялись не часто. Разговор, по рангу, вёл заместитель начальника управления, признанный среди своих интеллектуал. Разговор шёл через переводчика, в несколько замедленном темпе. Стариков, используя свой рост, встал позади любопытствующих, но при этом видел всех сразу: невысоких, строгих азиатов, других гостей, полного лысеющего замнач. Говорил один из азиатов, из его острых, в виде двух маленьких сабелек губ, вылетали такие же острые слова-кинжальчики.

– Я так понимаю, что вешевая контрабанда доставляет вашей службе большее беспокойство, чем контрабанда оружием и наркотиками? – невинно поинтересовался он.

– О, да! – набычился замнач, не замечая, как оказалось, что его ждёт ловушка. – Идёт контрабанда в таких количествах, что это напоминает экономическую диверсию. Рынки заполняются дешёвым товаром, растёт спекуляция, воровство.

После этого заявления, слова-кинжальчики прямо – таки пригвоздили местного интеллектуала.

– Нет ничего плохого в том, что ваш народ хочет иметь простые и нужные вещи у себя дома – дайте ему всё это по-хорошему, без контрабанды, и всё встанет на свои места. Помните слова Адама Смита о том, контрабандисты были бы самыми уважаемыми гражданами своей страны, если бы законы не посчитали преступлением то, что по своей природе преступлением не является.

– Адам Смит – буржуазный экономист, у нас есть свои авторитеты. Наши трудности временные, – попробовал противостоять замнач железной логике гостя, – и будут ослабевать по мере развития экономики, У нас, ведь, ещё и война, вы знаете.

Стариков отошел в сторону, не желая видеть идеологического поражения своего начальства – никто и не смог бы сейчас противостоять этим хитрым азиатам, потому что сегодня правда была на их стороне. А чем перешибешь правду? Сверхправдой? А нет у неё такой степени – правда, и всё.

Кто-то тронул его за плечо. Рядом стоял Гурненко – начальник организационно-инспекторского управления. Уважением он пользовался беспрекословным и заслуженным. Его всегда спокойные пепельные глаза обладали способностью угадывать глубинное настроение собеседника, пугающе предполагать реакцию на свои слова, но добродушные усы при этом служили неким смягчающим посредником: не волнуйся, я ещё не достиг дна твоей души. Стариков также признавал авторитет Гурненко, поэтому с готовностью повернулся к нему лицом.

– Тебя сильно интересуют идеологические вопросы нашей службы? – кивнул Гурненко на группу гостей.

– Нет, даже очень не сильно.

– Я так и думал. Тогда пойдём ко мне, есть разговор.

В строгом, без единого лишнего предмета кабинете, Гурненко начал разговор также строго, без предварительного прожёвывания: как поживаешь, какие проблемы, – что было свойственно практически всем руководящим работникам.

– Война заканчивается, идёт подготовка к окончательному выводу наших войск.

– Я слышал об этом от военных.

– Но скажу тебе то, чего ты ещё не знаешь. Руководством страны принято решение не проводить таможенный досмотр на границе, чтобы не позорить нашу армию на виду у всего мира, а осуществить его прямо на территории Афгана. С использованием контейнеров, сам понимаешь. Сейчас идёт большая подготовительная работа.

Стариков пожал плечами.

– А мне-то зачем эти военные тайны? У меня своих проблем, сами знаете.

– Знаю. А тайны эти рассказываю для того, что тебя тоже решено подключить к этому важному государственному делу.

– И каким боком? – насторожился Стариков.

– А не боком, и не спиной, а целиком, как есть. Есть предложение отправиться туда, на место, и вместе с другими коллегами выступить перед бойцами, рассказать, о том, о сём, предупредить, обезопасить их, в конце концов. Ведь ребята молодые, потянут за собой – кто пистолетик, кто гранатку, а кто и гашишик. И погубят себя в мирное время, выйдя живыми оттуда. Ты парень солидный, основательный, не трепло какое-то – таким верят, и уважают. Ты должен стать для них своим парнем, с которым можно без опаски поговорить. Конечно, ты будешь не один, а в составе делегации.

– И вы думаете, что эти парнишки, вынырнувшие из огня, крови, болезней – поверят словам?

– А чему же ещё верить, Стариков? – вдруг разгневался Гурненко. – Ну, давай, возьмём автоматы, наставим на каждого и скажем: повезёшь – расстреляем! Поверят? Нет, друг мой, если чему и верить, то только словам. Хотя бы потому, что нет у нас другого способа общения – не чирикать же нам, не рычать? И весь вопрос в том, от кого исходят слова. Я, вот, наблюдал за тобой: ты азиата давеча очень внимательно слушал – поверил ему?

– Поверил, – нехотя согласился Стариков.

– А почему? Очень логичен был азиат или высказал нечто, сильно похожее на правду? Ответ уже прочитал в твоих глазах. Так вот и надо говорить так, чтобы как можно ближе приблизиться к правде, приблизиться, ибо сама она недостижима ни для кого. В общем, слово за тобой.

– Да какое слово, Владимир Игнатьевич, конечно, согласен.

Поскольку дело переходило в практическую плоскость, от Старикова требовалось назначить инспектора для работы в войсках. Таким образом, из разных таможен подбирались наиболее опытные сотрудники – их руками и должны были спасать выходящих из войны бойцов. После недолгих раздумий, его выбор пал на старшего инспектора Агафонова, который недолгое время служил в Афганистане, после ранения был вынужден уйти из армии, и оказался в таможене. Своим участием в военных событиях он не бравировал, жутких историй не рассказывал, и это нравилось Старикову, не любившего хвастунов и болтунов. На его вызов Агафонов пришёл как всегда аккуратный в одежде, и во всём облике, придраться к нему было невозможно: коротко остриженные волосы, чисто выбрит, вежлив и исполнительен – лучшей кандидатуры и не могло быть. Некоторую отстранённость от коллектива, можно было списать на отдельные черты характера, и на участие в известных событиях, которые могли действовать и таким образом – делать людей молчунами.

– Агафонов, – с удовлетворением оглядывая ладную фигуру подчинённого, сообщил Стариков, – учитывая вашу хорошую теоретическую подготовку, а также практические результаты, вам предлагается выехать в составе бригады Главного таможенного управления на территорию Афганистана, и принять участие в оформлении личного багажа военнослужащих, покидающих эту страну.

Стариков вдруг остановился, заметив, что лицо инспектора на мгновение изменило геометрическую форму и тут же вернулось в исходное состояние. Глаза по-прежнему внимательно смотрели на начальника и не выражали никаких эмоций. Стариков решил уточнить.

– Вы хотите что-то сказать?

– Николай Васильевич, – спокойно ответил Агафонов, – дело в том, что я не могу участвовать в этом деле, у меня есть проблемы.

– Какого рода? С любимой девушкой? Со здоровьем?

– Нет, не совсем из этой области.

– А если это приказ?

Агафонов вытянулся, привитое предыдущими годами службы чувство осознания приказа прорвалось сквозь паутину безволия и приняло руководство на себя.

– Если приказ... Тогда, я готов.

Стариков недовольно проводил стройную фигуру инспектора, вдруг, в одночасье, потерявшего наработанный годами безупречный образ, и на всякий случай сделал пометку в календаре: «Агафонову – дублера».

Недовольство вызвал и звонок из приемной.

– Николай Васильевич, к вам женщина.

– Мы договаривались?

– Нет, но она... Она очень расстроена.

– Пусть войдет.

После нечёткого, робкого стука в дверь, в кабинет вошла женщина. Действительно, при первом же взгляде на неё, было понятно: эта женщина перенесла, если не горе, то немалое потрясение. Припудренные нижние веки, с трудом скрывали синеватые припухлости, резкие складки в нижней части рта, и очень бледное лицо, выдавали страдание. Но при этом, Стариков невольно отметил его правильные черты, которые позволяли предположить, что если это лицо освободить от всего лишнего, привнесённого неизвестным ему пока событием, то перед ним оказалась бы очень красивая женщина.

– Присаживайтесь. Как ваше имя, и что вас привело ко мне?

Женщина с природным изяществом, которое невозможно было вытравить никакими горестными событиями, присела к приставному столику, и подняла глаза. Стариков не ошибся – серо-зеленые глаза выдавали то, что напрасно пытались изменить складки, морщины, мешки под глазами – пытались, и не смогли. Словно проверив свои впечатления, женщина опустила глаза, и сказала:

– Я жена того подполковника, который у вас покончил с собой...

Стариков словно онемел от неожиданности, не зная, как отреагировать на эту новость – не сказать же: очень приятно. Или: рад с вами познакомиться. Он повторил свой вопрос.

– Елена Александровна.

Вот теперь он мог сказать: очень приятно, но язык не слушался его, наступила тишина, но поскольку теперь была его очередь нарушить эту тишину, Стариков сказал:

– Скоро будут выводить войска оттуда...

– Мой муж уже вышел немного раньше...

– Извините. Так чем же я могу быть вам полезен?

Стариков с пониманием и терпеливо выдержал её долгое молчание. Догадаться, зачем она пришла, было невозможно – не просить же вернуть конфискованную валюту? Возможно, хочет узнать какие-либо подробности гибели мужа? Почему у него?

– Понимаете, мы не можем с дочерью здесь оставаться после того, что случилось. Это становится невыносимым.

– Я понимаю, вам нужно сменить город.

Она опять замолчала, но теперь на её глазах появились слезы. Видимо, с некоторых пор привычные, легкотекучие. С помощью смятого платочка, она справилась со слезами, и продолжала:

– Нет, не город, ни в одном городе не спрячешься, молва – это ядовитый газ, которого хватает одной молекулы на кубический метр, чтобы отравить оставшуюся жизнь. Мы должны уехать из страны, совсем, тогда, может быть, хоть у дочери появится какое-то будущее, которого нет уже у меня.

– У вас кто-то есть там?

– Да, родственница по материнской линии. Мы могли бы уехать хоть сейчас, но... Проблемы с финансами сдерживают.

– Да, – согласился Стариков, не понимая, к чему с ним вообще ведётся разговор на эту тему, но из сочувствия к горю женщины, вежливо поддерживал беседу, – эта проблема вечна. А что у мужа никаких накоплений не было?

Он сказал это машинально, как сказал бы любой женщине в любой ситуации, но задав такой вопрос именно этой женщине, он ужаснулся: о каких накоплениях он спросил о человеке, который погиб, застигнутый на контрабанде?

– Сколько лет ему было?

Она всхлипнула.

– Я чувствовала приближение чего-то ужасного, он сильно изменился. Ему говорили, что у него «гиппократово лицо», а он мрачно отшучивался: там, говорил, «гиппократовы лица» у всего советского контингента.

– А что это за лицо? Как оно выглядит? – поинтересовался Стариков, решив при случае попытать инспектора Держикова – что тот отметил в лице несчастного подполковника в последние минуты?

– Это лицо, отмеченное «печатью смерти», его трудно описать, но если увидишь, то сразу и поймёшь.

– Понятно, – вздохнул Стариков, и машинально, без всякого умысла, взглянул на часы. Женщина спохватилась.

– Так вот, я решилась обратиться к вам с нижайшей просьбой: у меня от мамочки остались кое-какие фамильные ценности, на них мы могли бы там устроиться, – она перевела дыхание, и выдохнула главное, ради чего и пришла сюда. – Помогите нам пронести их через таможню.

Стариков опешил. Он даже не вскинулся в негодовании, как это полагается в этих случаях: «Да как вы смеете!» Вместо этого, он не мог отвести глаз от ее рук. Неверно было бы сказать, что они подрагивали, нет – её пальцы исполняли какую-то мелодию на невидимом и неведомом музыкальном инструменте, прикасались к нему и отлетали, как при игре на арфе, прижимались к сумочке и ослабевали, подключая к игре невидимые клавиши, и потом опять – к струнам. Это была завораживающая игра пальцами, обессиленная и без веры в будущее, что же тогда творилось у неё в душе в этот момент?

– Извините, Елена Александровна, вы своё решение хорошо продумали или это стихийный порыв?

– Я сейчас не понимаю, что такое во мне продуманное решение, а что стихийное. Просто, больше нет человека, к которому я могла бы обратиться. Вы понимаете, что произошло с друзьями мужа после случившегося – они все люди военные, у всех карьера... Мои знакомые бесполезны – и судить их не могу. Кроме того...

Стариков осмысливал положение, она продолжала игру пальцами. Он не мог понять, почему до сих пор молчит? Чем дольше он молчит, тем больше у неё крепнет надежда, она ведь принимает его молчание за сомнения, которые возможно разрешить. Но ведь он и в самом деле неоднократно помогал людям, правда, тем, кому доверял, и в пределах безопасных решений, так, пустяки. А здесь, главное сомнение – в ушедшем без времени человеке, замаравшем не только своё имя, но и породив сомнения во всём и во всех, с чем, и с кем он когда-либо соприкасался – а что, если ценности вовсе не мамочкины, а чьи-то, кто их сейчас усиленно разыскивает?

– Я не могу вам дать ответ прямо сейчас, – устало сказал Стариков. – Вы должны мне показать ваши драгоценности, и попробовать чем-то доказать, что они принадлежат именно вам. От этого многое зависит.

– Конечно, конечно, – она засуетилась, вставая, и при этом не отводя от него посветлевших глаз, – я ведь, честно говоря, не надеялась даже на разговор. Спасибо вам.

Она ушла, но что-то осталось. А может и не так: она ушла, а в нем что-то появилось. И это что-то, связано не только с ней, с её просьбой, он вообще не видел связи с чем-либо в своем прошлом. Ему давно уже казалось, что вся фактура его жизни уже окончательно сложилась, и ничего принципиально нового возникнуть не могло. А всё что возникло, накопилось до сегодняшнего дня: знания, ощущения, впечатления, запахи, образы – в разном скоростном режиме продолжало дозревать в нём, совершенствоваться, а кое-что уже и заостеневало. Но вот уже второй раз за короткое время он испытывает новые ощущения, которые принуждают его каким-то образом меняться, реагировать. С подобными просьбами к нему обращались и раньше, но все касались некой дополнительной выгоды – когда уже есть что-то или всё, но хотелось бы, вот, ещё немного. И в этом была большая разница, по сравнению с этим: помощи в горе. Помощь женщине, от которой отвернулись все, причем не по её вине – вот тот новый образ, родившийся в нём сегодня. Что она хотела сказать после: «Кроме того?» – Кроме того, это ведь ваши люди виноваты, что нашли, так, наверное?

Приглашение на совещание у начальника аэропорта отвлекло его, и Стариков с некоторым облегчением переключился на обычные, повседневные проблемы, не требующие от тебя самокопания и сомнений. В зале ему попался на глаза инспектор Держиков, который попытался сделаться невидимкой, но Стариков остановил его попытку, и отвёл в сторону. Внимательно изучил подчинённого глазами, и тот сник, не выдерживая силы взгляда начальника.

– Ты неплохо поработал над рапортом, – похвалил Стариков, – прямо детектив с сюжетом. Видимо, решил, что тому подполковнику всё равно, зато тебе прямая выгода: смотрите, какой я – проницательный, ни одной детали не упустил. Случайно, не филологический заканчивал?

– Нет, химический.

– А что у нас? Работы не было?

– Была, но в закрытом городке, в глуши.

– А ты, значит, очень открытый парень, в закрытом пространстве жить не можешь?

Держиков молча и неопределённо пожал плечами, по всему, не желая продолжения разговора на неприятную для него тему.

– Ну, ладно, Держиков, коли ты химик с филологическими наклонностями, опиши-ка мне буквально последнюю минуту досмотра, и главное – вспомни лицо того подполковника, только не просто: круглое, с ушами, с заостренным подбородком и так далее, а вот в целом: что-то в нём такое, не похожее на других, или вдруг возникшее прямо перед тобой своим мозжечком почувствовал?

Инспектор напряжённо слушал, пытаясь понять, чего от него добивается начальник, и боясь не угадать с ответом.

– Ну, конечно, было нечто такое в глазах у него... Тени какие-то мелькали.

– Всё, Держиков, свободен.

– Николай Васильевич, может я подумаю, да напишу вам об этом?

– Напиши, напиши, только не мне, а пошли в «Литературную газету», авось напечатают.

Стариков ещё во время разговора с инспектором осознал, что остановились они недалеко от того места, где всё и произошло. Поскольку у него на этаже был свой туалет, этот, на первом, он не посещал. Но сейчас, оказавшись случайно рядом, он решил войти. Помещение было похуже, чем наверху, сказывалась его общедоступность. Четыре кабинки, разделенные легкими перегородками, всё произошло в крайней, у стены. Почему именно у стены? Ведь все были свободны. Возможно, подсознание искало опоры, хотя бы с одной стороны, а может мысленно он проходил сквозь стену, выходил на улицу, и шёл по ней, пока жизнь лёгким дыха-

нием покидала тело. Куда он шёл мысленно – к ней? Какие тени у него мелькали в глазах в последний момент?

Стариков вздрогнул: кто-то по медвежьему засопел в одной из средних кабинок. Он никогда не думал, что способен так вздрагивать, чтобы пульс подскочил до ста, видимо, слишком ушёл в себя, или слишком перевоплотился – что, впрочем, тоже было для него внове. Он покинул невзрачную, сырую комнату, и направился к административному зданию.

Как он и предчувствовал: в эту ночь он спал плохо, что случалось с ним редко. Крепкое здоровье предполагало и крепкую психику, и он никогда не подвергал сомнению эту связь – лично у него было именно так. И тем не менее, сбои случались. Впервые, когда у него на руках умер отец. Он умирал от болезни, при полной памяти, и Стариков отчётливо видел, как в уходящем сознании боролись два могучих чувства: панический, всеобъемлющий страх перед последней минутой, и такой же по силе страх оказаться жалким паникёром перед сыном, если он поддастся первому. В конце концов, он победил животный страх, оставив о себе память, как о мужественном человеке. А Стариков тогда на некоторое время потерял сон. Это было мучительно для здорового тела, для здоровой психики – она требовала, просила, умоляла об отдыхе, а он не приходил, и даже не предполагался.

По сравнению с тем временем, сейчас были просто пустяки: в каком-то танце кружились перед ним разные лица: знакомые и незнакомые, весёлые и грустные, добрые и злые, старые и молодые, – этаким бестолковым маскарадом без масок. И когда кружение начало ему надоедать, вдруг пришло озарение: да все эти лица отмечены «печатью смерти» – вот что их объединяло и соединило в едином танце! «Гиппократово лицо» присутствовало независимо от выражения лица и его физического состояния. Но где же эти признаки, черточки, тени, в конце концов? Он их не видел, но мучительно искал, и от этих безрезультатных поисков, сон и оказался неполноценным.

На следующее утро, ещё не доходя до своего кабинета, Стариков столкнулся с заместителем начальника местного отделения милиции Самоходовым. Старикову показалось это не случайным, он давно заметил, что Самоходов всегда для личных бесед выбирал коридоры или залы, и это наводило Старикова на невесёлые размышления по поводу своего кабинета. Будучи всегда непререкаемым и самоуверенным, тот сейчас был настроен очень дружелюбно, улыбался, и даже не стал, как обычно, соревноваться в силе рукопожатия – поддался сразу.

– Ну, как поживает таможня? – хохотнул он, по своей природной толстокожести не понимая, что даже неправильное ударение в слове может задеть, оскорбить, также как их задевает, когда их зовут «ментами», а не милиционерами. А может быть уже и не задевает.

– Васильич, у меня к тебе дружеская просьба – работаем рядом, боремся, но иногда возникают дружеские просьбы.

Он переждал, проверяя отношение Старикова к своему подходу, но теперь уже не своей толстокожестью, а тем проверенным на сотнях людей нюхом, который и позволял ему не только служить, но и продвигаться по служебной лестнице. Что-то уловив, он продолжал:

– Давний сослуживец мой, боевой товарищ, можно сказать, выезжает за границу по путевке. Ну, кое-что прихватил с собой, зарплата у нас, сам знаешь, какая. В общем, посодействуй...

– Как вы себе это представляете? – намеренно отделяя себя от просьбы вежливым «вы», спросил Стариков. – У меня нет личной номерной печати, нет разрешающих штампов.

– Я знаю, но я прошу о содействии в соседнем, международном аэропорту, вы ведь дружите с тем начальником, – каменное лицо Самоходова выражало искреннее непонимание поведением коллеги.

– После обращения с такой просьбой, дружба сразу же прекратится, – решительно ответил Стариков, и прошёл мимо, понимая, что теперь заимел теперь у себя в тылу опасного противника.

В своём кабинете он ощутил некую защищённость, закрытость от вероломного внешнего мира, разумеется, иллюзорную, основанную на древнем инстинкте, рождённом, когда пещера служила не иллюзорной, а самой настоящей защитой от врагов, и местом продолжения рода. Он причесался у зеркала, отметив спокойное выражение лица своего отражённого двойника, проверил на нем свою коронную прямую: глаза в глаза, но не победил, и этим остался доволен. Сел за стол, как садятся в кабину истребителя, осмотрел, потрогал письменные принадлежности, покрутил в руках ручку с мягким позолоченным пером, проверил записи на календаре, наткнулся на: «Агафонову – дублера», и позвонил в приемную.

– Агафонова ко мне.

И когда тот появился, Стариков также деловито, как делал это всегда с подчинёнными, поинтересовался:

– Вы решили свои проблемы? – при этом он продолжал изучать записи, теперь уже в тетради, и когда не дождался ответа на свой вопрос, удивлённо поднял глаза.

Агафонов стоял, опустив голову, руки безвольно висели вдоль туловища, но лицо ничего не выражало, словно вопрос не дошёл до его сознания. Но, оказалось, дошёл.

– Извините, Николай Васильевич, но я не могу лететь туда.

– Проблемы не решаются?

– Нет, проблем никаких и не было, есть только одна – мне просто кажется, что я оттуда могу не вернуться. В этом всё дело...

Только после этого Агафонов поднял глаза, и Стариков имел возможность воспринимать его лицо в открытую, доступно, в самый, может быть, трагичный и печальный момент – в момент признания своего бессилия, а что может быть более печальным для молодого человека? Но в своем обострённом восприятии, Стариков увидел, а точнее, не увидел той печати, отпечатка, тени, чёрт возьми, того, что его преследовало в последнее время. Да, это было лицо безвольного, сломленного человека, даже такое присутствовало сегодня во сне, но не было главного, на основании чего, можно было бы признать лицо стоящего перед ним человека, полноправным участником ночного хоровода.

– Я готов написать заявление, – спокойно сказал Агафонов.

– Что-то у меня число писателей растёт, – недовольно сказал Стариков. – А кто работать будет? Свое предложение отменяю, работайте, как работали.

Агафонов ушёл, а Стариков продолжал исследовать свои записи, автоматически отмечая главное, вычеркивая ненужное, но в какой-то момент осознал, что ему мешает. Не было звонка от Елены Александровны. А что, спросил он себя, уже готово какое-то решение? Он готов помочь? Отказать? Вот он только что отказал Самоходову, почему же ей готов не отказать? Потому что Самоходов и его друзья найдут ещё сотню способов решить проблему и без него, а у неё никаких способов нет?

Он облегчённо вздохнул, когда из приемной доложили: «К вам вчерашняя женщина...», и это было как разрешение дилеммы: помогать – не помогать.

Она вошла, сегодня в другом платье, строгом, но не подчёркивающим нарочито трагизм её положения, с небольшой брошью на груди и тонким ожерельем на шее, она заметно изменилась, посвежела, видимо, умело поработала над обликом и лицом, и теперь, не скрываясь, выступила её природная красота. И в этом Стариков нашёл её честность: она не стала превращать себя в старуху, несчастнейшее существо на свете, чтобы вызвать ещё большее сочувствие к себе у окружающих, и добиться своей цели любой ценой. Но ей не удалось так же быстро изменить себя внутренне – Стариков судил об этом по тому, как её подрагивающие пальцы, продолжили игру на скрытом инструменте, едва она присела к столу.

– Здравствуйте, – только и сказала она, словно боясь лишними словами спугнуть ожидаемое решение. Достала из сумочки небольшую коробочку и молча положила перед ним. – Вот.

Стариков открыл коробочку, увидел несколько колец, перстней, тонкие золотые ожерелья, и не дотрагиваясь до них, сразу почувствовал успокоение – они явно не были произведением искусства Востока или Азии, чего он больше всего опасался, то есть, они явно не были предметом тайной деятельности её покойного мужа. Он всё же взял один перстень, и он действительно был дорогим, усыпанным, мелким бриллиантом и рубинами покрупнее, с мелкой вязью по кругу, и эта вязь была нашей, старорусской, далёкой от хитрой и многозначной азиатской вязи.

– Вот мамино письмо, – тихо сказала она, и достала из сумочки старый пожелтевший конверт, – она пишет обо всём этом.

– Опробетчиво писать об этом в открытую, – заметил Стариков.

– Тогда ещё не боялись писать, но его передали лично.

Она опустила руки, и её пальцы опять забегали по клавишам, продолжили полёт над струнами и он, не в силах больше держать её в невыносимом ожидании, сказал:

– Я помогу вам, – и сразу, как всегда, когда сомнения в любом деле заканчивались, и он принимал решение, в голове наступила полная ясность. – Слушайте внимательно. Сшейте небольшой мешочек, либо из крепкой ткани, а лучше из тонкой кожи так, чтобы ваши драгоценности плотно вошли в него, постарайтесь как-то его украсить, придать ему вид брелока. Позаботьтесь, чтобы он легко присоединялся к связке ключей, но потом, когда получите его от меня, не кладите в сумочку, а положите в карман.

– Почему?

– Потому что после таможни вас будет проверять на металлоискателе служба безопасности аэропорта, сумочку и другие вещи возьмут на рентген, а вы из карманов выложите предметы на столик. Постарайтесь, чтобы эта связка не оказалась в одиночестве, выложите ещё что-нибудь, женское, но металлическое, еще лучше – детское. Вы понимаете?

– Да. Только... Почему я с этой же связкой не могу пройти через таможню?

– Потому что для таможни это не сокрытие, вас сразу раскусят.

– О, Господи! – вздохнула она. – Кажется, я всё поняла. Спасибо вам.

– А если поняли, то до встречи в аэропорту, там незаметно передадите мне брелок, и пойдёте на контроль. Вот ваши ценности.

– Спасибо, – она изящно встала, медленно прошла к двери, приостановилась, внимательно посмотрела на него. – Скажите, а в какой момент я должна с вами расплатиться?

– Расплатиться? – Стариков растерялся. – Видите ли, уважаемая Елена Александровна, если я возьму у вас хоть один рубль, вы решите, что я уже не первый раз поступаю таким образом, дополняя свою зарплату. Но, поверьте, это не так.

Она молча повернулась и вышла из кабинета.

И опять что-то осталось после неё, только более легкое, более светлое, чем в первый раз. Главное – она не пытается обмануть его, разжалобить, найти в нём дурное, продажное, и на этом решить свои проблемы. Да, он сознательно идет на нарушение, но эти фамильные колечки принадлежат ей по праву, и он не сомневался в том, что когда-нибудь наступит время, когда каждый получит возможность свободно распоряжаться своими вещами: ввозить, вывозить, продавать, дарить, менять. А он просто несколько опережает время. Но на душе всё равно было тревожно.

Через день она с дочерью вылетала из соседнего международного аэропорта. Стариков накануне позвонил своему коллеге и договорился, что он поучаствует в качестве наблюдателя при оформлении международных рейсов – он периодически так поступал, в качестве обмена опытом, и никаких лишних вопросов его просьба не вызвала. На всякий случай, он полностью освободил карманы, оставив только удостоверение.

Водитель молча кивнул на его команду и зарычал старенькой «Волгой», вырывая на знакомую дорогу. Зимний день был туманен и морозен, старые ели, словно одетые в шубы кре-

стыяне, толпились вдоль обочины. По дороге, играючи, проскальзывала позёмка. В соседний аэропорт он приехал заранее, чтобы достаточно примелькаться работающей смене и продумать свои действия. То и дело объявляли о движении международных рейсов, кресла в зале ожидания освобождались ненадолго, и тут же заполнялись опять. Также быстро менялись сведения на огромном табло. Стариков искал глазами нужный рейс – тот значился без задержек. Он вошёл в таможенную зону, за руку поздоровался со старшим смены, кивнул близстоящим инспекторам – все его тут знали. Пассажиры здесь вели себя по-разному: кто-то откровенно волновался, и сотруднику приходилось определять: волнуется по причине или просто мандражирует? Кто-то был нарочито спокоен, у некоторых на лице маска безразличия, и даже презрения. Стариков ещё инспектором в совершенстве изучил подобные маски, и понимал, что не всегда за ними скрывалось намерение обмануть, чаще они отражали внутреннее беспокойство, либо личную проблему человека у таможенной стойки.

Он решил, что наступила пора найти Елену Александровну. Первый круг ничего не дал, и он решил постоять возле табло, полагая, что рано или поздно она подойдет и поинтересуется своим рейсом. Не дождался, и прошёл по периметру ещё раз, доказывая себе, что ему-то волноваться нечего – если она по каким-то причинам передумала, то для него это лишь облегчение. Он заметил её лишь на третьем круге: они были втроём – она стояла к нему лицом, рядом с ней девочка лет пяти, в шапочке с круглыми балабошками, а спиной к нему стоял крупный мужчина, отчего-то казавшийся знакомым. Они о чём-то разговаривали, и улыбка женщины при этом казалась беспомощной и жалкой. В какой-то момент мужчина повернулся профилем и Стариков невольно ахнул: это был Самоходов. Приглядевшись, Стариков понял, что это Самоходов прицепился к ней и не отпускает. И что же он здесь делает? Проталкивает своего друга? Вполне, возможно, но в любом случае, – это плохо. Она, наконец, заметила Старикова, и активизировала свои попытки к освобождению. Наклонилась к ребёнку, развела руками и, подхватив довольно объемную сумку, поспешила прочь от назойливого собеседника. Стариков, хорошо зная расположение аэропорта, поспешил к ближайшему к ним женскому туалету. Он не ошибся – они направлялись именно туда. Её глаза были наполнены страхом, наверняка, толстокожий Самоходов не прибавил ей уверенности. Он взялся за сумку, чтобы ей помочь, и она неловко передала ему небольшой мешочек, который тут же скрылся в кармане пиджака Старикова.

– Он ужасный! – прошептала она.

– Я знаю, – коротко бросил Стариков. – Ничего не бойтесь, вы уже чисты.

Они тут же разошлись, и Стариков вернулся в зал досмотра. Теперь обстановка осложнилась тем, что где-то рядом шарился Самоходов, был он по гражданке, а значит, в толпе его высмотреть было сложно, зато он мог беспрепятственно из укромного уголка наблюдать за происходящим. Но полдела было уже сделано – брелочек уже прошел таможенный контроль, оставалось также незаметно передать его обратно владельцу.

Стариков спокойно наблюдал, как пассажиры послушно открывали сумки и чемоданы, выкладывали содержимое карманов, портмоне, дамских сумочек, и несколько поспешнее утрамбовывали вещи, после окончания досмотра, не желая даже лишней секунды оставаться под контролем. Елена Александровна уже приближалась к одной из стоек, и Стариков незаметно переместился ближе. Вот она уже на контроле, инспектор опрашивает её по существу декларации, она машет головой отрицательно на все вопросы. Всё, они в зале, Стариков выжидает удобный момент, брелок уже у него в кулаке. Она, понимая его, останавливается в стороне и возится с замком багажной сумки.

– Давайте помогу, – предлагает Стариков помощь, протягивая руку, и тут происходит непредвиденное – он задевает рукой себя по колену, и брелок падает на пол. Первая мысль: видел ли это Самоходов? Вторая: не мотать головой, не суетиться, ничего страшного не про-

изошло, уронил – поднял. Но поднять он не успел: девочка, видимо, признав знакомый предмет, схватила его с криком: «Это моё!» Стариков ласково потрепал её по головке, застегнул на сумке замок и отошёл в сторону. Сейчас, главное, не суетиться, не стараться быстрее покинуть зал, а выстоять как ни в чём ни бывало до конца. Он встал так, чтобы хоть краем глаза наблюдать дальнейшее продвижение женщины с маленьким ребенком. Вот девочка захныкала – у нее отобрали брелок, но тут же затихла – что-то получила взамен. Вот их уже не видно, но Стариков чутко прислушивался к звукам, исходящим из зоны предполетного контроля. Всё было тихо, вскоре таможенный зал опустел, Стариков попрощался с начальником смены, и покинул здание аэропорта.

Утренний туман рассеялся, солнце с трудом продиралось сквозь тучи, и Стариков представил себе, какое оно сейчас яркое и пронзительное за облаками. Он сел в машину и кратко сказал:

– Домой! – при этом уловив несколько удивлённый взгляд водителя.

И потом, во время движения, несколько раз поймав на себе любопытный взгляд водителя, он отодвинулся к краю сиденья так, чтобы его не было видно в зеркало заднего вида, и сделал вид, что задремал.

По прибытии, Стариков поспешил к себе в кабинет, как в привычное спасительное укрытие, место отдыха и расслабления. Сейчас это было главное. Скинув пальто, шапку, машинально достал расческу, подошел к зеркалу, и отшатнулся, едва признавая в незнакомце себя. Так вот оно какое – «гиппократово лицо», он сразу признал его, не видя, не выделяя черточек и проклятых теней, а сразу, без доказательства – это оно! Именно этим можно было объяснить странное поведение водителя, его любопытные взгляды. Стариков прошёл к своему месту, сел, не зная, какой предмет ему взять в руки первым, чтобы начать приходить в себя. Но первым предметом оказалась телефонная трубка – этого требовал резкий сигнал.

– Николай Васильевич? Это Самоходов, разрешите подойти? Есть разговор.

– Пожалуйста, в любую минуту.

Стариков положил трубку, взял в руки свою любимую ручку, чувствуя, как к лицу торопливо возвращается кровь, крепнет взгляд, и он не сомневался, что «печать» на лице начинает растворяться, исчезать, ибо никто ещё не видел его растерянным. И он был уверен – не увидит никогда.

И опять был звонок.

– Гурненко. Завтра в десять инструктаж.

Чёрные дыры

Объяснительная, доставленная в тот день на мой рабочий стол, ничем не отличалась от других – глупая и наглая. Мол, бабушка по простоте душевной тайком положила в карман семь тысяч долларов, а я не проверил и попался на таможне. И теперь, товарища Матвеева, то есть, меня, начальника таможенного поста, просят поверить в искренность пишущего и вернуть деньги. Вернуть или не вернуть – суть моей работы. В течение часа, а то и меньше, пока не закончилась посадка в самолёт, я должен был разобраться в деле и понять – обманывают меня или говорят правду, и вынести справедливое решение. Иногда возвращаю. Но не сегодня же... От сегодняшнего объяснения веяло таким дремучим отсутствием воображения, что я невольно поморщился. К тому же, писал гражданин Армении, с некоторыми, прямо-таки издевательскими, явно нарочитыми, искажениями языка, видимо, с целью показать: я нездешний, и не очень понимаю, что тут происходит, а то, что происходит – явная несправедливость.

Мне предстояло решить: конфисковать валюту, задержать её до возвращения владельца из-за границы или вернуть, если я поверю в доброту бабушки и рассеянность внука. Поскольку в работе таможни ничто не ценится выше эффективности и результативности, то я не сомневался в своей твёрдости: наступит конфискация. Именно такой твёрдости ожидало от меня начальство, когда выдвигало на должность.

Задумывался ли я тогда над личностями тех, кого приходилось наказывать? И да, и нет. Да, когда они приходили просить меня о снисхождении, и я видел их глаза, оценивал их жесты и слова, вроде бы всегда одинаковые, рожденные одной и той же ситуацией, но в то же время совершенно разные в своем сочетании и исполнении. Каждый, в силу присущей ему артистичности, пытался убедить меня в своей невиновности. Отсюда и жесты, крики, всплески эмоций, если артистичности или убедительности не хватало. Получалось как в простейшем трехкодовом замке: лишь правильное сочетание трёх цифр его открывают. А здесь: едва заметное несоответствие жестов, взглядов, слов, интонаций словам, которыми ведётся доказательство, и замок не открывается – меня обманывают. Или – говорят правду, если наблюдается полное совпадение мимики и слов.

И не задумывался, если видел не человека, а лишь бумагу с быстрым и, как правило, нервным почерком, и с фамилией в правом верхнем углу. Если, разумеется, фамилия не была говорящей.

В гражданине, который после несмелого стука в дверь вошёл в кабинет, против ожидаемого яркого национального калейдоскопа жестов, слов и искромётных взглядов, я увидел смущение и растерянность. Невысокий, худощавый, интеллигентного вида. То есть, аккуратно постриженные волосы, белая сорочка, невзрачный галстук, слегка примятые брюки и ясный открытый взгляд. В моём кабинете за годы его существования настолько все пропахло обманом и хитростью, что этот скромный облик заблудшего интеллигента, пока не произвёл на меня должного впечатления. Бывали моменты, когда используя все аргументы, здесь выкрикивали имена генералов и министров, которые непременно вмешаются в ситуацию и лишат меня должности и звания, если я сам не вынесу верного решения. Мне совали в нос заверенные телеграммы, извещающие о смерти мамы, папы, брата, сестры, лучшего друга и т. д., и требовали на этом основании возврата задержанных денег, необходимых на похороны. Бывали истерики и, казалось, линолеум на полу подгнил изнутри от пролитых на него слёз.

Попавшийся на этот раз гражданин Армении, робко сел на крайнем от меня стуле у двери и вежливо поинтересовался:

– У меня задержали валюту, я хотел бы узнать, что с ней будет?

– Вас волнует её судьба? Пожалуйста: от нас она попадет в банк, оттуда в государственный бюджет, и затем пойдёт на пенсии и детские пособия. Так что, за судьбу своей бывшей валюты

вы можете быть спокойны. А если в вашей семье есть пенсионеры или дети, то вы должны от этого испытывать полное удовлетворение.

Он задумался, опустив голову, и долго сидел в таком положении, а я, не видя пока причины выпроводить его, тоже в ожидании молчал. Поскольку молчание затянулось, я вынужден был спросить:

– У вас есть какие-либо дополнения к вашему искреннему объяснению?

Он поднял голову, взглянул на меня, и вдруг, словно все три цифры кодового замка в этот момент совпали, и он открылся – его взгляд, беспомощно опущенные руки, задрожавшая нижняя губа, полностью соответствовали его молчанию – он явно не ожидал такого исхода, и это явно не он писал объяснительную.

– Вы извините, – тихо заговорил он, – я в жизни ничего не нарушал, я работаю в научно-исследовательском институте, и кроме науки, ничем не увлекаюсь. Произошло недоразумение.

Лишь для того, чтобы уточнить свои впечатления о незнакомце, а заодно и проверить полученную информацию, я поинтересовался, чем он занимается. Оказалось – астрофизика. Я невольно размягчился и моя твёрдость начала сдавать позиции: память мгновенно перекинула меня на много лет назад, в собственное детство, я увидел картинки над кроватью: туманность Андромеды, Магеллановы Облака... Конечно же, это было не увлечение астрофизикой, а простое очарование бездной в тысячи световых лет, навеянное романами Ивана Ефремова и Станислава Лема, но именно изначальное очарование звездами ли, формулами или живой клеткой, впоследствии приводят к делу всей жизни. К сожалению, не у меня.

Случайное совпадение детского очарования и профессии человека, дальнейшее спокойствие которого зависело от моего решения, начало работать в пользу незнакомца. Хотя сторожевые клетки мозга не дремали и предупреждали: Армения, астрофизика, академик Амбарцумян – всё это могло быть ловкой придумкой, хорошей подготовкой для разговора со мной: иногда в разговорах с коллегами я упоминал о своих детских пристрастиях. За короткое время, с помощью красноречия и небольших национальных сувениров, можно было на скорую руку составить мой психологический портрет.

Так, ранее, вот также ко мне принесли протокол о задержании четырѐхсот рублей (две моих месячных зарплаты того времени!), судьбу которых я должен был решить. Но отсутствовала объяснительная, зато присутствовала фамилия: Крупин Владимир Николаевич. Я сидел в ожидании просителя: то ли известного писателя, то ли его полного однофамильца. Солидные посетители по разному поводу у меня иногда бывали, но не такого масштаба. Рука невольно начала набрасывать возможные вопросы. Как назло, умные вопросы обходили голову стороной. Что вы думаете о современном литературном процессе? Господи, да возьми «Новый мир» – там тебе так осветят этот вопрос, что лет пять не будешь этим интересоваться. Кто из современных писателей кажется вам наиболее значительным? Не корректно: конечно же, он сам. В конце концов, я разозлился: не похоже ли это на примитивный торг: он умно отвечает на мои вопросы, а я без разговоров возвращаю деньги?

А может просто выпить с ним по чашке кофе? Поговорить за жизнь. Получится этакая неспешная беседа двух родственных душ. Я проверил тумбочку: кофе был, был и коньяк.

Вскоре ко мне постучали, я выпрямился в кресле, но вошёл, к моему великому разочарованию, незнакомец, с неприятно заранее подготовленными в просительном движении губами, и назвал себя представителем литературной делегации. Он начал объяснять, что деньги эти задержаны у известного писателя Владимира Крупина, который, конечно же, и не мыслил, и не способен даже совершить какое-либо противоправное действие. И, зная моё увлечение литературой (откуда – мы видимся в первый раз!), он просит меня от имени делегации вернуть деньги, в силу моего понимания писательской души. Это сработало: я вернул деньги, а потом спустился со своего этажа в досмотровый зал посмотреть на живого классика. По пути меня озадачила мысль: из-за моей симпатии к русской литературе, происходит нечто нелогичное,

шиворот-навыворот – это он должен был хотеть меня видеть в данный момент и спрашивать: «И как же вам, Сергей Иванович, служится на таком сложном участке? Как, вообще, дела? Не пишете, случайно?» А потом уже и к денежкам, неназойливо.

И глядя на шумное, бестолковое сборище самых разных людей, где великие и порядочные стояли плечом к плечу с откровенными жуликами, я понял: он не мог снизойти до просьбы, не тот уровень, чтобы просить. А может деньги для него были пустяковыми. Ведь в ту пору гонорары были – ого-го! Но это было непринципиально: ведь я мог подписать протокол о нарушении таможенных правил и пустить его, как и положено, по всем инстанциям. Сумма маленькая, а неприятности большие. И вообще, выдержало бы его самолюбие, если бы задержали, скажем, пять тысяч долларов?

Вот сейчас, представил я себе, он собирает впечатления, отмечает детали, ловит портретные характеристики, фантазирует и анализирует. Наверняка обратит внимание на искрометную, хитренькую Татьяну Петровну, которая за десять метров чует, что её собираются обмануть. Или на Евгения Антошина – работает всегда одной левой, правая в кармане – этакий поза, шик, за который он постоянно получает от меня выговоры. Да и другие тоже... Но почему же у него не возникает желания хотя бы одним глазом взглянуть на того, кто управляет всем этим процессом, и может одним росчерком пера лишить его денег?

Интересная получалась ситуация: в то время как известный писатель внутренним зрением проникал в толщу народной жизни, тут, рядом с ним, его читатель пытался проникнуть в его душу, понять его собственное состояние. Не найдя в толпе классика, я вернулся в кабинет.

Чтобы опять не оказаться в плену ассоциаций прошлого, а заодно и проверить полученную информацию, я спросил профессора:

– А что, «чёрные дыры» поглотят Вселенную?

Я угадал: посетитель встрепетулся, словно дождался многообещающего поворота в беседе, и даже привстал.

– «Черные дыры»... – пробормотал он растерянно, – я кое-что знаю об этом...

Открыв рот, забыв на время о деньгах, наказании и прощении, и вообще – о службе, я слушал его рассказ и начинал понимать: этот не врёт, не использует мое детское очарование звёздами в своих целях – он просто впервые оказался в такой ситуации и совершенно не может защищаться. Мне трудно было его остановить: с одной стороны он осознавал, что чем ярче будет его профессиональное выступление перед единственным слушателем, тем больше у него будет шансов разрешить свою проблему. А с другой стороны, я сам впал в кому от неожиданно получаемых задаром знаний, на поиски которых у меня ушли бы годы, если бы я интересовался этим всерьёз. А он всё говорил, говорил, в какой-то момент вдруг засуетился, оглянулся, и я догадался, что он искал доску и мел, чтобы изобразить свои пояснения.

– Всё! – с трудом остановил я его. – Спасибо. Я не сомневаюсь, что вы настоящий профессор. Не понимаю другого... – я брезгливо приподнял письменное объяснение.

Он вдруг встал, прошел мимо меня к окну, как будто собираясь показать на небе то, о чём сейчас рассказывал, но, подойдя, внимательно поискал что-то глазами на площади перед аэровокзалом.

– Посмотрите, пожалуйста, на ту группу людей, – почти шёпотом попросил он.

Я стал рядом с ним и оглядел хорошо знакомую мне площадь. Отсюда я всегда с любопытством наблюдал за теми, кто собирался в тот или иной день слетать за границу. Заметив знакомых, приглашал их на чашку кофе с сигаретой и неназойливо узнавал скрытые городские новости, или решал свои мелкие проблемы. И сейчас людей было много, но я сразу уловил взглядом ту группу, на которую указывал профессор. Это были явно не его коллеги: небритые, хмурые, они курили и недобро посматривали на здание аэровокзала.

– Мы прилетели из одного города. Это их деньги, – пояснил профессор, – они передали мне, думая, что мой интеллигентный вид обманет ваших сотрудников.

– Значит, я должен их наказать?

– Наверное, так, – согласился он.

– А как их накажешь, если не конфискуешь валюту? Погрозить пальчиком? Сообщить родителям об их плохом поведении?

– Накажете и меня. Если они не получают деньги, то грозили меня убить.

Это прозвучало слишком обыденно, как если бы он сказал: «Они обещали за это щёлкнуть меня по носу», и я не был готов принять его заявление всерьёз.

– Может меня? – предположил я. Вы-то при чём?

Профессор внимательно посмотрел мне в глаза в поисках понимания.

– Видите ли, это как в «чёрных дырах» – там искривление пространства, а здесь искривление здравого смысла – они считают, что если деньги не вернут, значит, я недостаточно вас просил об этом.

– Или были недостаточно интеллигентны?

Всё было ясно, и одновременно, как будто запуталось и стало еще сложнее. Ну, какое мне дело до взаимоотношений граждан другой республики? До их искривлённого смысла? Может у них и мораль совсем другая. Как в тех же «чёрных дырах» – элементарные частицы те же, а вещество другое. Но неожиданно, как облако, наплыло осознание, что от моего решения возможно зависит жизнь человека. Такого ещё не было в моей небогатой практике. В это не верилось до конца, глядя на толпы людей внизу, движение машин, слушая гул двигателей с лётного поля. Меня окружало такое простое каждодневное движение, в котором я часто и привычно конфисковывал деньги, не зная, откуда они появились, и куда текут, пропадают рубли, доллары, франки, юани, по пути теряя свои изображения и названия, превращаясь в обыкновенные отчётные цифры. За которые мне давали десятирублевые премии. Поток обезличенных денег и постоянное враньё вокруг меня притупляли сочувствие. Те же люди, которых я наказывал конфискацией или штрафом, через некоторое время, оправившись, опять появлялись в досмотровом зале, с дружелюбным выражением лица, уверенные в своей неуязвимости, явно применив прошлый горький опыт для прохода через таможню, надёжно припрятав то, что должно поправить их материальное положение. В этом и заключалась наша вечная игра: верить – не верить, спрятать – найти.

– До свидания, – сказал он, и пошёл от окна к двери.

Площадь моего кабинета составляла восемнадцать квадратных метров. Шесть на три. Шесть метров можно пройти за три секунды. То есть, ещё три секунды я мог ощущать себя полновластным хозяином судьбы человека, который по всем социальным, а может и моральным меркам, был выше меня. Он едва заметно замешкался у двери: нам обоим одновременно показалось, что я вот-вот скажу: «Подождите!» Но когда этого не произошло, опять же одновременно у обоих возникла в голове пустота. Только по разным поводам: у него – от безысходности ситуации и самых дурных предчувствий, у меня – от непонимания, почему именно так я поступил? Честно выполнил свой долг? Или продлил время тайного наслаждения своей власти над человеком? Оно ещё продолжалось: профессор явно спускается по лестнице, а надо пройти ещё длинный коридор. Вот он идёт по ступеням: четыре, пять, шесть... Нет, это садизм – считать секунды обречённого человека. А что такое тогда исполнение долга? Когда секунды не считают? Вообще об этом не думают?

Я посмотрел в окно. Не убьют же они его прямо на площади? Может, в туалете? Хотя нет, какие глупости лезут в голову. Они убьют его после возвращения на родину, а поскольку я не интересуюсь событиями в далёкой Армении, то никогда и не узнаю об этом.

За что нас только не любят? За чёрствость? А ведь приходилось много раз входить в положение, прощать. Но каждый новый обман сеял зерна подозрения и чёрствости... А укреплялись эти подозрения под влиянием моего наставника тех лет – старшего инспектора Головнёва. Я чувствовал себя неловко, когда он под презрительными или смущёнными взглядами дам,

разбирал их личные вещи в чемодане, особенно, когда его проворные руки касались кружевных бюстгалтеров, прощупывали пакетик с трусиками «недельку». Именно в такие моменты я понимал, почему «их» недолюбливали в народе. («Их», потому что в то время я ещё не вполне идентифицировал себя с «ними».) И я не был уверен, что когда-либо смогу повторять ежедневные «подвиги» своего непреклонного наставника. Но посодействовал опять-таки случай: однажды Головнёв на глазах у меня и хозяйки вещей разорвал аккуратно упакованную «недельку» и среди разноцветных трусиков обнаружил стопку долларов. Невезучая дама так и осталась с брезгливо сморщенным носиком, только уже по другому поводу – этих купюр она лишилась. А когда позже меня просветили насчет «полостных сокрытий» – методе, используемом в том числе и такими вот дамами, то это лишь укрепило мой дух.

Прошло достаточно и даже более времени на то, чтобы пройти лестницу, коридор и выйти на площадь. Но он не выходил из здания. Небритые все также хмуро поглядывали на окна аэровокзала. И вдруг меня осенило: он же сам мог решить свою судьбу – где-нибудь в закутке, в туалете, в конце концов! Такие случаи описывались в наших специальных обзорах. Картинка проявилась в голове настолько живой, что я кинулся к двери, по пути прикидывая: а может ли человек, обладающий знаниями о «черных дырах», звёздных туманностях и происхождении Вселенной, добровольно закончить жизнь в туалете? Конечно же, нет! Но может, есть специфика в этих вопросах, мне неизвестная? Я сбежал по лестнице, пользуясь тем, что на ней никого не было, но в коридоре перешёл на чинную начальственную походку, то есть, властно и звонко постукивая каблуками по каменному полу. Идти сразу в туалет глупо, решил я, хотя бы потому, что он просто-напросто закроется в кабинке, и не стучать же мне во все подряд.

Я медленно обошел зал ожидания, где также традиционно кучковались пассажиры, только атмосфера здесь была несколько иной – сказывалось приближение к формальностям, после которых они уже могли считать себя за границей. Его не было и в зале. Ко мне подскочила работница международного отдела аэровокзала и потянула к стене. Карие глазки её блестели – я даже на мгновение забыл, куда и зачем шёл. Я частенько ловил на себе озорные взгляды девчонок из этого элитного подразделения, все-таки я был свободен, и при некоторой должности – мог для кого-то и представлять интерес.

– Вы же работаете в таможне? – зашептала он, вплотную приблизившись ко мне и окутывая явно заморским запахом духов. – Я собираюсь за границу по турпутевке. Подскажите, куда лучше спрятать золотые серёжки, чтобы не нашли?

Я смотрел в её чистые наивные глаза и старался вспомнить: когда я был таким же наивным? В каком возрасте? И можно ли быть таким вообще?

– Лучше всего за бюстгалтером, – шёпотом посоветовал я, – Могу показать.

Она отшатнулась и опять искривлённой траекторией помчалась по залу. Эта мимолётная встреча вернула меня к обыденности и простоте мира – ну, какие могут быть убийства, если на свете есть такие наивные и милые девушки? И я опять, и опять прочёсывал зал, приветствуя и улыбаясь знакомым, но не останавливался, делая вид, что не болтаюсь от нечего делать, а иду по делам, удивляясь, куда можно спрятаться в помещении, которое я знал, как свои пять пальцев. Ну, разве что, опять же – в туалете.

Я увидел его у красочного стенда, рекламирующего авиакомпанию: земной шар, на нём стремительные линии-трассы, соединяющие континенты и города, и всё это на фоне звёздного неба. По-профессорски заложив руки за спину, он неподвижно смотрел на стенд. Решает, как ему изменить маршрут и в какой точке спрятаться, успокоено подумал я и стал рядом. Он заметил меня, опять обратил глаза к стенду и сказал:

– Видите, вон там, в углу: там как бы две системы – звёздная и планетарная. Но, судя по видимым размерам, траектория планетарной системы не может быть такой.

Я тупо смотрел поверх земного шара, прикидывая движение звездной системы по тому опыту, какой дает, например, автомеханику опыт наблюдения за вращением колеса, и заметил:

– А вдруг там рядом «чёрная дыра»? Пойдёмте, я верну вам деньги.

В кабинете молча, даже как-то суховато, мы завершили формальности, и он слегка поклонился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.